

Турдалиева Ч. Дж.

ЭТНОГЕНЕЗ КЫРГЫЗОВ ГЛАЗАМИ ЗАПАДНЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX – начало XX вв.

Этническая история любого народа сопрягается с кругом вопросов об идентичности, национальной идее и их социальной трансформации во времени и пространстве. Особенную значимость эти ключевые вопросы приобрели в связи с распадом СССР и процессами государственного строительства в бывших советских, а теперь независимых и самостоятельных республиках. Знание национальной истории и перипетий происхождения своего народа, социальная поддержка народных традиций и возрождение здорового патриотизма явились одним из базовых идеологических конструктов в строительстве независимого и суверенного Кыргызстана. Однако, вместе с положительными моментами использования этих конструктов, обозначились и негативные стороны, вызываемые нередко политической борьбой на местном, региональном и республиканском уровнях, в особенности обретающие свою масштабность и глубину в период избирательных компаний. Не секрет, что апелляция к сведениям о гэгунях, т.е., кыргызах в китайских источниках П. в.д.н.э., и затем празднование 2200-летия Кыргызской Государственности в 2003 году, по политическим соображениям было инициировано прежним президентом Республики А.Акаевым. Этот исторический факт был использован в качестве одной из политтехнологий в привлечении иностранных инвестиций в страну. Но, также нельзя отрицать тот факт, что данная политическая инициатива имела и позитивный научный резонанс. Она позволила кыргызстанским историкам сделать такие серьезные научно-исследовательские мероприятия, которые не проводились с момента обретения государственной Независимости в 1991 и празднования 1000-летия эпоса Манас в 1995 году. Не остались без внимания и западноевропейские исторические источники, значимость которых была обозначена на научно-практических конференциях в республике и за рубежом. На них отмечалась необходимость изучения трудов западных путешественников, в советское время незаслуженно заклеянных, как недостоверные и второстепенные источники.

Известно, что этногенез кыргызского народа реконструируется и исследуется благодаря многим источникам, однако исключение составляют сведения и труды западных путешественников и исследователей XIX-начала XX вв., которые, весьма слабо признавались дореволюционной и советской ориенталистикой. Анализ этого богатейшего материала, безусловно, не исключая имеющиеся научные ошибки и этнопсихологические предубеждения путешественников, отражает интересные положения и выводы. И в данной статье попытаемся обозначить особенности изучения этногенеза кыргызского народа в трудах западных путешественников XIX-начала XX веков и попытаемся ответить на вопросы: «Все же почему они интересовались или адаптировали информацию о происхождении кыргызов; откуда путешественники черпали информацию о прошлом кыргызского народа; с какими народами проводились этнокультурные параллели?»

Нельзя сказать, что все путешественники с большой долей интереса уделяли внимание этногенезу кыргызов. Одни путешественники, ссылаясь на российские исследования, лишь кратко упоминали о «ранней биографии» кыргызского народа, другие же, напротив, этому вопросу уделили существенное место в своем труде. Такая неравномерность в подаче информации возникла в силу разности целей и задач путешествия, образовательного и профессионального уровня путешественника, степени его участия в научных дискуссиях российской и западной ориенталистики того времени. Прежде всего отметим, что для западных экспедиционеров основными источниками в изучении этого вопроса явились работы российских путешественников и исследователей, в частности Ч.Ч. Валиханова и Н.А. Аристов. Во-вторых, они полагались на свой опыт и наблюдения, а также они не пренебрегали сведениями, полученными у колониальных властей, кыргызских родоначальников, проводников и переводчиков, которых нанимали в начале своего путешествия где-то в Индии либо в Восточном Туркестане, либо их им рекомендовала администрация Туркестанского генерал-губернаторства уже по приезду в край.

В трудах западных путешественников встречается этнотермин «Кыргыз» в следующих вариациях: собственно «Кыргыз» - “Kirghese”, “Kyrgyz”; Черный кыргыз - “Kara-Kirghiz”; Горный кыргыз - “Mountain Kirghiz”; Туранский кыргыз - “Turanian Khirghiz”; Бурут - “Burut”; Мухаммеданский кыргыз- “Muhammedan Kirghiz”; Черный китайский кыргыз-“Kara-Kirghiz Chinese”, однако чаще всего встречаются три первых этнотермина, что может подтвердить серьезное влияние российских исследований на них. Так, английский миссионер Генри Лансдел (1841-1919) был известен в религиозных и научных кругах Великобритании как храбрый путешественник, совершивший поездки в Сибирь (1879) и Центральную Азию (1882). Первостепенной задачей Лансдела являлась распространение христианства и религиозной литературы в больницах и тюрьмах Российской империи, включающей ее сибирский и азиатский фронтиры. В 1885 году, в американском городе Бостоне на английском языке была опубликована его книга “Русская Центральная Азия включающая Кульджу, Бухару, Хиву и Мерв». Несмотря на специфическую задачу, он дал обстоятельную картину истории, жизни и быта кыргызов и казахов, хотя и не видел между ними никакой принципиальной разницы, и даже считал их родственными племенными подразделениями одного народа, отличающимися лишь ландшафтом кочевания: казахи кочевали в степи, а кыргызы в горах и межгорных впадинах.

Вслед за Валихановым, Ланделл повторял, что кыргызы один из древних народов Центральной Азии. Он писал: «Кыргызы принадлежат к Тюрко-Татарской или Алтайской расе и их два основных отделения со своими территориями расселения составляют Кара-кыргызы, собственно сами кыргызы, которых иногда называют обитающие в горах, и казахи, обитающие в равнинной местности». Адаптируя подходы Валиханова о происхождении кыргызов, тем не менее он пропустил безоговорочное мнение казахского исследователя о разности кыргызов и казахов по многим параметрам: языку, происхождению, обычаям. Ч.Валиханов иронично писал: «Даже в физиономии бурута есть что-то своеобразное, не кайсацкое...». Спрашивается, какие причины побудили английского миссионера пропустить это мнение Валиханова и вводить читательскую аудиторию Запада в заблуждение, искажая существующий факт. Не имперское ли сознание о том, что все местные племена находясь на одном уровне развития, т.е., отсталости и дикости не могут быть отличными и непохожими друг на друга; а потому не могут рассматриваться в контексте этнокультурной и исторической уникальности; или ограниченное время пребывания среди казахов и кыргызов не позволило ему заметить разницу, которая была чувствительна для самих народов; или, все же основная цель поездки достичь своих потенциальных клиентов - прихожан в тюрьмах и лазаретах Азиатской России, размещенных в административно-управленческих центрах Туркестанского генерал-губернаторства: Верный, Пишпек, Сокулук была гораздо важнее и диаметрально противоположна задачам истории и антропологии? На наш взгляд, все три момента повлияли на его взгляд о кыргызах и казахах.

Как было отмечено выше, в западных источниках чаще встречаются два этнотермина: кара-кыргызы и дикокаменные кыргызы, т.е., этнотермины введенные в научный оборот дореволюционными российскими востоковедами. Такого рода частичное или полное замещение собственного имени народа или племени иными, удобными для реакционной науки и политики терминами, прослеживается и в других колониальных владениях Российской империи. Лишь только слово «мусульманин» имело более менее прозрачные границы идентичности в дореволюционной научной практике. Как справедливо отмечает современный французский исследователь А.Беннигсен: «Царская администрация... полностью игнорировала проблему идентификации. Это отчетливо проявлялось в господствующей путанице в официальных терминах. «Татарин», использовался для определения не только волжских и крымских татар, но и для тюрков Северного Кавказа (карачаевцев, балкар), ногайцев и азербайджанцев. Определение сарт (торговец) использовалось для обозначения туркестанского оседлого населения, турок, иранцев и им подобных. Администрация считала всех мусульман одной нацией». Мы считаем, что российские колониальные власти употребляя слово «Кыргыз» применительно к кыргызам и казахам, подразумевали «кочевник», человек занимающийся скотоводством, подобно тому, как слово «сарт» относился к оседлым узбекам и таджикам.

У Ланделла помимо вышеназванных терминов встречается «Бурут». Эти три термина: дикокаменные кыргызы, черные кыргызы и бурут были неизвестны самим кыргызам, подобно тому, как казахи в изучаемый период никогда не называли себя кыргызами, кыргыз-кайсаками или кайсаками.

Черные или Дикокаменные кыргызы делились на два крыла: «правое» и «левое». Ланделл ошибочно относил племена Сарыбагыш и Бугу к левому крылу конфедерации кыргызских племен и допустил неточность в их территориальной локализации. Фактически эти крупные племена относились к правому крылу родоплеменной структуры кыргызов и преимущественно локализовались в Семиречье и на Тянь-Шане, т.е., Северном Кыргызстане. А левое крыло в Фергане, Кашгаре, Памиро-Алае, и даже в пределах Тибета и Гиндукуша.

Происхождение кыргызов интересовало не только британского миссионера Ланделла, но и американского дипломата Юджина Шуйлера (1840-1890), который на страницах двухтомной работы «Туркестан» внес свою лепту в распространение и развитие этой проблематики в западной ориенталистике. Он писал, что: «На Иссык-Куле, и в долинах Тянь-Шаня, Памира и Алая к югу от Коканда проживают настоящие кыргызы, названные китайцами и калмыками Бурут, и русскими Кара-киргизы (Черные киргизы), или Дикокаменные кыргызы. Чтобы различать их от казахов, которые случайно и неправильно получили название киргиз среди русских. Возможно кара-кыргыз заимствован от кыргыз-кайсак и выражает низкое происхождение кыргызов и их желание иметь благородный статус. Другое объяснение связано с точкой зрения В.Радлова о том, что кара-кыргыз возникло в связи с тем, что кыргызы долгое время отказывались принимать Ислам, и за это были прозваны Кара-Кафирами, т.е. черные неверующие. Однако, сами кыргызы идентифицируют себя, как «кыргыз» и никак иначе». Известно, что в отличие от казахов, у кыргызов не практиковалась наследственная передача власти, деление общества на «ак-суйек» (белая кость) и «кара-суйек» (черная кость) и идеология чингизизма. У них чаще всего преобладал принцип меритократии, при котором рассматривались личные качества и достоинства индивида, претендующего на власть и управление родом/племенем. Но, как видим Шуйлер не совсем верно интерпретировал происхождение кыргызов в сравнении казахами. Запись Шуйлера о том, что термин «дикокаменные кыргызы» был инвестирован русскими, чтобы отличать казахов, которых они случайно и неверно называли кыргызами, является одним из первых и верных объяснений в западной ориенталистике XIX века.

Интерес к кыргызским легендам и преданиям, вероятно был вызван и теми духовными и практическими приоритетами, о которых он неоднократно упоминал в своих письмах родным и близким. Так, будучи консулом США в России он писал своей сестре: «...История, Литература: , язык и мифология, это мои четыре отрасли, которых вместе связывает единственная тема – Россия». Зафиксированные им легенды о происхождении кыргызского народа условно можно классифицировать на: легенды о животных: (легенда о красной собаке, племяни бугу) и антропоморфные легенды, т.е., связанные с человеком (Тагай). Как верно заметил Шуйлер, легенды

о происхождении от животных не редкость среди азиатских племен, но они также часто встречаются у индейских племен Америки. Наблюдательный дипломат, аже оставил сведение, что среди кыргызов существует традиция связывать происхождение народа с национальными героями и родоначальниками. Одним из таких родоначальников являлся Тагай, от которого вели свое родословие такие крупные племена, как: Солто, Сарыбагыш, Бугу и Саяк. Согласно Тоголок Молдо, знатоку кыргызского санжыра, т.е., родословия обнаруживаем, что Тагай являлся первопродком племен Сарыбагыш, Бугу, Солто и Саяк.

Если в работах вышеупомянутых западных путешественников сравнительно широко затронут вопрос о кыргызском этногенезе, то в работах других путешественников, к примеру шведского исследователя Свена Гедина, англичанина Чарльза Данмора, француза Габриела Бонвало, американского географа Элсуорса Хантингтона, англичанки Эллы Сайкс весьма скудные или вовсе отсутствуют сведения о происхождении кыргызского народа. Они не пытались компилировать готовый материал, но и не расспрашивали самих кыргызов об их легендах и преданиях. Английский путешественник Ч. Данмор, который путешествовал на Памир в 1892-93 годах начал свою главу о кыргызах с информации о названии кыргызских племен и их расселении на Памире, а американский географ Элсуорс Хантингтон с описания горного ландшафта и окружающей среды, в условиях которой проживали северные кыргызы. Однако первых и последних упомянутых экспедиционеров объединяет одна особенность. Западные путешественники все же называли кыргызов не собственным названием «Кыргыз» или племенным именем, а называли по названию местности их расселения и кочевания: Памирские кыргызы, Сары-колские, Тянь-Шанские, Кашгарские, Сон-колские или кыргызы с Вахана, Ран-куля и т.д. С одной стороны, эта форма этнической идентификации, названная нами, как «этно-топонимическая» отражала границы и территорию кочевания и расселения тех или иных кыргызских племен, с другой стороны она фиксировала те районы, в которых путешественник побывал и проявил свою способность адаптироваться в разных природно-климатических, социально-экономических и культурных условиях. В рамках колониальной и постколониальной концепции «мы-они» (we and other), природа, ландшафт, люди в составляли единый враждебный и опасный комплекс для путешественника, которому необходимо было преодолеть и утвердить своё европоцентристское сознание и не безмолвное присутствие в «контактной зоне».

В целом, резюмируя вышеизложенное можно сделать вывод, что в трудах западных путешественников рассмотрение кыргызского этногенеза имеет свои особенности. Во-первых, в работах доминирует заимствованный у российских исследований, так называемый диахронический метод исследования, когда в основном рассматривалась динамика и преемственность этнических процессов во времени и пространстве. Во-вторых, вопрос о происхождении кыргызов не был столь волнителен и актуален для западных путешественников, как он представлялся для российских исследователей. В-третьих, в западной ориенталистике о кыргызах практически мало что было известно, и вероятно путешественник, кратко фиксируя или полностью компилируя происхождение кыргызов из российских источников, стремился обозначить свой вклад в изучение этой проблемы, хотя попытки российских авторов еще не были научно выверенными построениями, и изобиловали множеством положений, нередко далеких от истины. Следовательно, западные путешественники тем самым транслировали читателю распространенные в российском востоковедении уничижительные этноназвания, как «дикокамменные» и «черные» кыргызы, но неизвестные самим кыргызам, и развивали конструкт о дикости и нецивилизованности кыргызского кочевника в западном обществе. В-четвертых, присутствует механическое перечисление этнотерминов, распространенных в русских и китайских источниках, но, вместе с тем, ими «изобретаются» собственные этно-топографические термины, благодаря которым, прежде всего, обозначаются границы проникновения европоцентристского сознания и имперской власти путешественника.

В-пятых, идентифицируя кыргызов и казахов как племена одного народа, они отрицали их этнокультурное различие, а их всеобщая кочевая исключительность становилась видимой только лишь в сравнении с оседло-земледельческими народами Центральной Азии, а также в сравнении со своей собственной культурой. В-шестых, данный источник не исчерпывается только лишь сведениями о происхождении кыргызов, он изобилует другими не менее интересными наблюдениями и сведениями западных авторов, которые ждут своего вдумчивого и объективного исследователя.

Литература:

1. Международные и региональные конференции, посв.2200-летию Кырг.Государственности в вузах республики: Государственность и религия в духовном наследии Кыргызстана/Отв.ред.академик В.Плоских.-Бишкек-Лейпциг: Илим, 2003.-340с.; Источники: история и перспективы изучения.-Б.: 2003; Экспедиции на Алтай и Хакасию в 2003-2004 гг.(рук.д.и.и.н. Чл.-корр.А.А. Асанканов)
2. О западных путешествиях XIX в. См.:сборник Конф. Источники: история и перспективы изучения.-Б.: 2003, была организована секция «Путешествующая Литература: Центральной Азии и Кавказа» на Международной конф. Центрально-евразийского общества в Бостонском Университете, США, 2005, выступление автора на конференции «Ученых Азии» в Сингапуре, 2003 г., Гарвардском университете CESS в 2003 г., Колумбийском университете в 2005 г.
3. Об историографии трудов западных путешественников о кыргызах и Кыргызстане подробно см.: Турдалиева Ч.Дж. Государственность и историография и трудов западных путешественников исследователей о Центральной Азии XIX в. // Государственность и религия в духовном наследии Кыргызстана./Отв.ред. акад.В.Плоских.-Бишкек-Лейпциг:Илим, 2003.-С.51-56.
4. Ibid. P.302.
5. Ibid. P.302.

6. См.: История Казахстана: народы и культуры: Учеб. пособие / Масанов Н.Э. и др.- Алматы: Дайк-Пресс, 2001.-С.57.
7. См.: Бичурин Н.Я. /О.Иакинф / Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена /Отв.ред.С.П.Толстов.Ред.текста, вступ. ст. коммент. А.Н. Бернштама, К.А. Кюнера.-Т.1-2.-М.,Л.:Изд-во АН СССР,1950.- Т.1., Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей.-СПб., 1832.-Ч.2. Исторические известия., Ч.3. Этнографические известия.,Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. в пяти томах.-Алма-Ата: Гл.ред. Каз.сов. энциклопедии.1984-1985., Семенов П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857 годах //Вступ. ст. Н.Г.Фрадкина.-М.: ОГИЗ, 1946.
8. Bennigsen . A. Pan Turkism and Panislamism in History and Today // Central Asian Survey. London, 1984. Vol.3.#3.P.39-49.
9. Lansdell, Henry, Russian Central Asia. P.290.
10. Schuyler E.Turkistan Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. 2 Vols. New York:Scribner,1876. Vol.2. P.135-136.
11. Coleman M. Eugene Schuyler: Diplomat Extraordinary from the United States to Russia 1867-1876,Russian Review, Vol.7,No.1(Autumn,1947), P.33.
12. Schuyler E.Turkistan. P.137.
13. Тоголок Молдо. Саяк уруктары // Кыргыздар: Санжыра, тарых, мурас, салт /Туз. К.Жусупов.-Б.: Кыргызстан, 1993.-Б. 20.
14. Dunmore E. The Pamirs; a Narrative of Year's Expedition on Horseback and on Foot Through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary, and Russian Central Asia 2 Vols.London: John Murray, 1893, Vol.2. P.113-115.
15. Huntington E. The Pulse of Central Asia, Boston & New York: Houghton, 1907, P.106.
16. Под «Контактной зоной» понимается пространство в котором народы, разделенные географически, исторически и культурно находятся в контакте друг с другом. Впервые упоминается в работе американской исследовательницы М.Пратт. См.: Pratt Mary L., Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation. New York&London: Routledge, 1992, P.5-6.